

Ю.А. НИСНЕВИЧ

Постсоветская Россия – 25 лет: портрет в зеркале исследований межгосударственных и неправительственных организаций

Статья посвящена анализу образа постсоветской России в государствоведческих исследованиях 22 межгосударственных и неправительственных организаций, в ходе которых определяются 30 оценочных показателей институциональных характеристик государства. Политико-управленческие характеристики образа России говорят о том, что правящим является недемократический режим с выраженной авторитарной тенденцией, не обеспечивающий реализацию на должном уровне базовых политических и государственных порядков. Имеют место низкая эффективность управления делами государства и очень высокий уровень коррупции, что препятствует свободной экономической конкуренции и интенсивному инновационному развитию. Темпы социального развития и качество жизни российских граждан находятся на уровне ниже среднемирового, причем имеются существенные проблемы в области здравоохранения, образования и других социальных сферах. В международном аспекте постсоветская Россия при удовлетворительной экономической конкурентоспособности и достаточно высокой включенности в процесс глобализации оценивается как немиролюбивое государство с невысокой институциональной устойчивостью.

Ключевые слова: постсоветская Россия, государствоведческие исследования, межгосударственные и неправительственные организации, институциональные характеристики.

DOI: 10.31857/S086904990003942-8

В декабре 2016 г. исполнилось 25 лет со дня появления на карте мира нового государства – Российской Федерации или постсоветской России. В декабре 1993 г. была принята его Конституция, установившая основы государственного устройства и политической системы. С этого времени прошли семь парламентских и шесть президентских избирательных циклов. Поэтому можно утверждать: в постсоветской России установился определенный политический и государственный режим. Что же сегодня в политическом, экономическом и социальном аспектах представляет собой постсоветская Россия? Ответ на этот вопрос можно искать с различных ракурсов, используя разнообразные исследовательские подходы. В частности, достаточно детальный анализ нынешнего и возможного будущего постсоветской России, исходя из анализа ее ресурсного потенциала, например возможностей жесткой и мягкой силы, представлен в работе М. Урнова [Урнов 2014].

В предлагаемом исследовании используется иной способ анализа образа постсоветской России, основывающийся на динамике изменения комплекса ее институциональных характеристик, оценочные показатели (индексы) которых определяются по результатам систематически проводимых за прошедший до 2016 г. двадцатипятилетний период государствоведческих исследований межгосударственных и неправительственных организаций [Индексы развития... 2014].

Н и с н е в и ч Юлий Анатольевич – профессор, доктор политических наук, профессор кафедры политологии Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Россия, 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: jnisnevich@hse.ru

Портрет постсоветской России в зеркале указанных исследований определяется в условном трехмерном пространстве, где “осями координат” служат: качество реализации политических и государственных порядков; конкурентоспособность в современном мире; условия и качество жизни граждан. Для более рельефного представления данного портрета используется метод сопоставительно-институционального анализа [Нисневич 2011]. В его рамках показатели институциональных характеристик постсоветской России графически сопоставляются с показателями аналогичных характеристик самого экономически развитого и наибольшего по численности населения демократического государства Европы – Германии (положительная асимптота) и последнего в современном мире тоталитарного государства – Корейской Народно-Демократической Республики (отрицательная асимптота).

Качество реализации политических и государственных порядков

Выявление политико-управленческих черт портрета постсоветской России целесообразно начать с результатов наиболее известных государствоведческих исследований, посвященных определению характера политических режимов государств, их демократичности или недемократичности. Первое из таких исследований, дающее континуальные оценки уровня демократии, – “Индекс демократии (*The Democracy Index*)”, проводимое с 2006 г. аналитическим подразделением британского журнала *Economist* (*The Economist Intelligence Unit*) для 167 суверенных государств. В этом исследовании индекс демократии ИД_{ЕИУ} определяется в диапазоне от 0 до 10, и по его значениям правящие во всех исследуемых государствах политические режимы разбиваются на четыре группы: полная демократия ($8 \leq \text{ИД}_{\text{ЕИУ}} \leq 10$); несовершенная демократия ($6 \leq \text{ИД}_{\text{ЕИУ}} < 8$); гибридный режим ($4 \leq \text{ИД}_{\text{ЕИУ}} < 6$); авторитарный режим ($\text{ИД}_{\text{ЕИУ}} < 4$) (<https://www.eiu.com/topic/democracy-index>). Динамика изменения значений индекса ИД_{ЕИУ} для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 1.

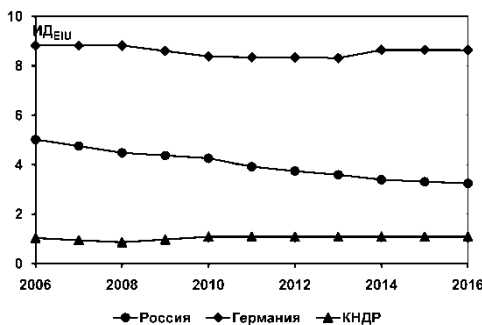

Рис. 1. Индекс демократии *The Economist Intelligence Unit*.

Рис. 2. Индекс политического режима *Polity IV*.

Из рисунка 1 следует, что значения ИД_{ЕИУ} для России имеют устойчивый нисходящий тренд, и с 2011 г. тип российского политического режима по версии *Economist* изменился с гибридного на авторитарный. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню демократии по версии *Economist*, с ИД_{ЕИУ}=3,34 заняла 134 позицию из 139 между Египтом и Катаром.

Следующим из наиболее известных исследований, посвященных определению характера правящих в государствах мира политических режимов, является проект “*Polity IV*”, осуществляемый Центром изучения устойчивого мира (*The Center for Systemic Peace*). В этом исследовании на историческом отрезке, начиная с 1800-х гг. и до текущего года, для режимов в 167 государствах определяется квантованный индекс политического режима (ИПР_{POLITY}), значения которого могут изменяться в диапазоне от -10 до +10

(<http://www.systemicpeace.org/inscr/p4manualv2016.pdf>). По значениям этого индекса все политические режимы разбиваются на пять групп: автократия ($-10 \leq \text{ИПР}_{\text{POLITY}} \leq -6$); закрытая анократия ($-5 \leq \text{ИПР}_{\text{POLITY}} \leq 0$); открытая анократия ($1 \leq \text{ИПР}_{\text{POLITY}} \leq 5$); демократия ($6 \leq \text{ИПР}_{\text{POLITY}} \leq 9$); полная демократия ($\text{ИПР}_{\text{POLITY}} = 10$).

Динамика изменения значений индекса $\text{ИПР}_{\text{POLITY}}$ из базы данных проекта “*Polity IV*” для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 2 (<http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html>). Из него следует, что в 2000 г. тип российского политического режима по версии проекта “*Polity IV*” изменился с открытой анократии на демократию, а в 2007 г. произошел обратный переход. Хотелось бы отметить, что достоверность результатов этого проекта для России вызывает серьезные сомнения. И прежде всего из-за того, что в период с 2000 по 2006 г. правящий в России режим определялся как если и неполная, то все же демократия. А ведь именно тогда в России произошел ряд политических событий, плохо соотносящихся с понятием “демократия”. В частности, на президентских выборах 2000 г. за счет использования административного ресурса всех уровней публичной власти была реализована операция “преемник”, в результате которой президентом стал В. Путин; после парламентских выборов 2003 г. административными методами была установлена полная гегемония партии “Единая Россия” в Государственной думе; в 2004 г. были отменены прямые выборы высших должностных лиц субъектов Федерации, в этот же период начался процесс подчинения правящему режиму основных электронных и печатных СМИ, а в 2003–2005 гг. состоялись судебные процессы по “делу Ходорковского”. Возможно, сомнения в достоверности результатов проекта “*Polity IV*” обусловлены методологическим несовершенством используемого в этом проекте континуального подхода к оценке демократичности политических режимов.

Этот же подход используется и в проводимом с 2003 г. немецкой неправительственной организацией Фонд Бертельсмана (*Bertelsmann Stiftung*) исследовании, в рамках которого для 128 государств определяется индекс трансформации политического режима (*Bertelsmann Transformation Index*). Однако это исследование представляется мне недостаточно достоверным не только потому, что из него исключены развитые государства Европы и Северной Америки. Более существенно то, что “как правило, каждую страну оценивает внутренний и международный специалисты” [Индекс трансформации... 2010, с. 113], то есть для оценки каждого государства используются только два источника информации. Однако в большинстве государствоведческих исследований принято считать достоверными только те результаты, для определения которых используется не менее трех.

Помимо континуального подхода существует и иной – дихотомический, основанный на минималистском институциональном понимании демократии Й. Шумпетера, который определил ее как “институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей” [*Шумпетер* 1995, с. 210]. При таком подходе политический режим может оцениваться как демократический, если он реализует такой минимально необходимый демократический порядок, как “свободные, честные и состязательные выборы”. Если же такой порядок в указанном однозначном виде не реализуется, то режим считается недемократическим.

Дихотомический подход, базирующийся на бинарном критерии свободных, честных и состязательных выборов, используется в исследовании “Свобода в мире (*Freedom in the World*)”, которое с 1972 г. ежегодно проводит американская неправительственная организация Дом Свободы (*Freedom House*). По результатам данного исследования все государства прежде всего разделяются на электоральные демократии и недемократические государства. Постсоветская Россия с 1993 г. относилась к электоральным демократиям, а с 2004 г. (очевидно, в связи с оценкой проведения парламентских выборов в декабре 2003 г.) перешла в категорию недемократических государств, где и остается до настоящего времени.

По результатам исследования “Свобода в мире” также определяются показатели политических прав (*Political Rights, PR*) и гражданских свобод (*Civil Liberties, CL*). Кванто-

ванные индексы политических прав (ИПП_{ФН}) и гражданских свобод (ИГС_{ФН}) оцениваются по шкале от 1 (максимальная свобода) до 7 (минимальная свобода). И по среднearифметическому значению этих индексов все государства разделяются на три категории: свободные (от 1 до 2,5), частично свободные (от 3 до 5) и несвободные (от 5,5 до 7). Динамика изменения значений индексов ИПП_{ФН} и ИГС_{ФН} из базы данных исследования “Свобода в мире” для России, Германии и КНДР представлена на рисунках 3 и 4 (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-world>).

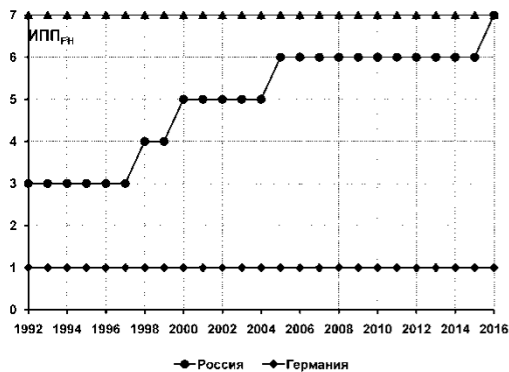

Рис. 3. Индекс политических прав Freedom House.

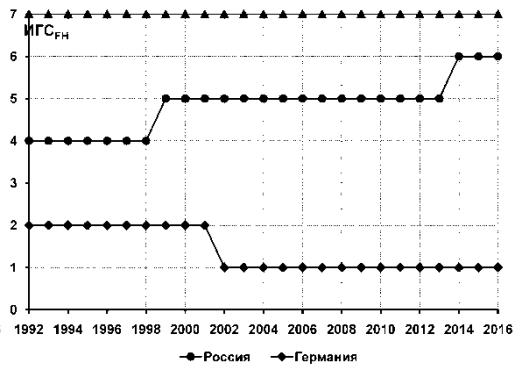

Рис. 4. Индекс гражданских свобод Freedom House.

Из рисунка 3 следует, что значения ИПП_{ФН} для России, начиная с 1998 г., приобрели резко восходящий тренд, и в 2016 г. значения этого индекса достигли максимально негативного уровня, равного 7, что свидетельствует об ухудшении ситуации с политическими правами российских граждан. Из рисунка 4 следует, что значения ИГС_{ФН} для России, начиная с 1999 г., также приобрели восходящий тренд, характеризующийся постепенным ухудшением ситуации с гражданскими свободами граждан России. При этом с 1992 по 2004 г. Россия, по версии Дома Свободы, относилась к частично свободным государствам, а с 2005 г. перешла в категорию несвободных. Тот факт, что по результатам всех приведенных исследований политический режим в постсоветской России в настоящее время оценивается как недемократический с выраженным авторитарным трендом, не дает полного представления о политических чертах ее институционального портрета. Для полноты картины следует дополнительно рассмотреть качество реализации политических порядков континуального характера, которые Р. Даль включил в список “политических институтов современной представительной демократии” [Даль 2000, с. 85–86].

Прежде всего это два взаимосвязанных института, призванные обеспечивать реализацию права человека на свободное выражение своего мнения и на получение, по словам Даля, “информационного знания”, а именно, за счет таких порядков, как “свобода выражения” и “альтернативные источники информации”. В современных государствоведческих исследованиях показатели качества реализации такого политического порядка, как “альтернативные источники информации”, непосредственно не определяются, но оценивается косвенно отражающий состояние этого порядка уровень свободы прессы.

Индекс свободы прессы (*Freedom of the Press index*) определяется по результатам проводимого с 1980 г. Домом Свободы исследования “Свобода прессы (*Freedom of the Press*)”. В нем индекс свободы прессы (ИСП_{ФН}) может изменяться в диапазоне от 0 (максимальная свобода) до 100 (минимальная свободы). При этом по значениям данного индекса все государства по уровню свободы прессы разделяются на три категории: свободные (0 ≤ ИСП_{ФН} ≤ 30), частично свободные (31 ≤ ИСП_{ФН} ≤ 60) и несвободные (61 ≤ ИСП_{ФН} ≤ 100) (<https://freedomhouse.org/report/freedom-press-2017-methodology>). Динамика изменения значений индекса ИСП_{ФН} из базы данных исследования “Свобода прессы” для

России, Германии и КНДР представлена на рисунке 5 (<https://freedomhouse.org/report-types/freedom-press>).

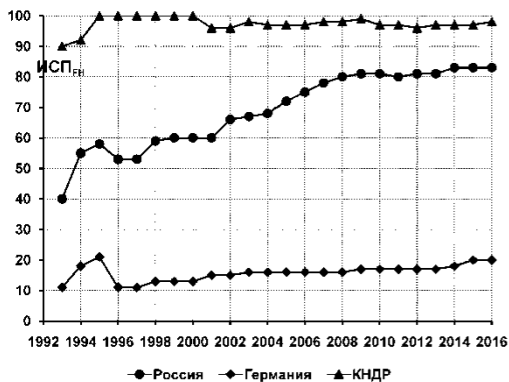

Рис. 5. Индекс свободы прессы *Freedom House*.

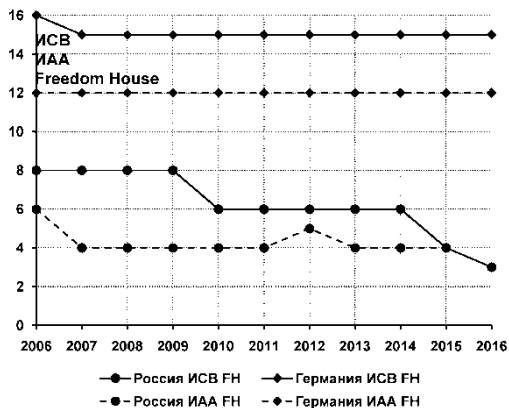

Рис. 6. Индекс свободы выражения и индекс автономии ассоциаций *Freedom House*.

Из рисунка 5 следует, что значения ИСП_{ФН} для России имеют устойчивый восходящий тренд, и с 2002 г. Россия, по версии Дома Свободы, перешла из категории государств с частично свободной прессой в категорию государств с прессой несвободной, что, очевидно, обусловлено упоминавшимся ранее процессом подчинения правящему режиму российских СМИ. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню свободы прессы по версии Дома Свободы, с ИСП_{ФН}=83 заняла 175 позицию из 199 между Белоруссией и Свазилендом.

Широко известно и исследование состояния свободы прессы в мире, проводимое с 2001 г. международной неправительственной организацией Репортеры без границ (*Reporters sans frontières*), – “Всемирный индекс свободы прессы (*Classement mondial de la liberté de la presse*)”. По его результатам определяется индекс свободы прессы (ИСП_{RSF}), который по последней версии методологии расчета изменяется в диапазоне от 0 (максимальная свобода) до 100 (минимальная свобода). При этом по значениям данного индекса ситуация со свободой прессы в 180 исследуемых государствах разделяется на пять категорий: хорошая ситуация ($0 \leq \text{ИСП}_{\text{RSF}} \leq 15$); более-менее хорошая ситуация ($15,01 \leq \text{ИСП}_{\text{RSF}} \leq 25$); значительные проблемы ($25,01 \leq \text{ИСП}_{\text{RSF}} \leq 35$); сложная ситуация ($35,01 \leq \text{ИСП}_{\text{RSF}} \leq 55$); очень опасная ситуация ($55,01 \leq \text{ИСП}_{\text{RSF}} \leq 100$) (<https://rsf.org/fr/la-methodologie-du-classement-mondial-de-la-liberte-de-la-presse-0>). Из-за изменений методологии расчета в 2012 г. графическое отображение динамики изменения индекса ИСП_{RSF} представляется мне некорректным. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню свободы прессы по версии организации Репортеры без границ, с ИСП_{RSF}=49,45 заняла 148 позицию из 180 между Мексикой и Таджикистаном.

Для континуальной оценки качества реализации такого политического порядка, как “свобода выражения”, могут быть использованы результаты двух следующих государствоведческих исследований. Первое из них – упомянутое выше исследование “Свобода в мире”, проводимое Домом Свободы, где в качестве одного из семи индикаторов, на основании которых рассчитываются агрегированные индексы, используется индикатор “свобода выражения и убеждений (*Freedom of Expression and Belief*)” (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2004/methodology>). Соответствующий этому индикатору индекс, который можно обозначить как индекс свободы выражения ИСВ_{ФН}, изменяется в диапазоне от 0 (отсутствие свободы) до 16 (полная свобода), и в открытой базе данных указанного исследования значения этого индекса доступны начиная с 2006 г. Отмечу, что для КНДР он постоянно равен нулю.

Второе исследование – “Индекс верховенства закона (*Rule of Law Index*)” с 2009 г. проводится международной неправительственной организацией “Проект правосудия в мире (*The World Justice Project*)”. В рамках этого исследования в качестве одного из 42 индикаторов, на основании которых рассчитывается агрегированный индекс, используется индикатор “свобода мнения и выражения (*Freedom of Opinion and Expression*)” (https://worldjusticeproject.org/sites/default/files/documents/RoLI_Final-Digital_0.pdf). Соответствующий этому индикатору нормализованный индекс, который можно обозначить как индекс свободы выражения ИСВ_{WJP}, изменяется от 0 (отсутствие свободы) до 1 (полная свобода), и в открытой базе данных указанного исследования значения этого индекса доступны только начиная с 2012 г., что делает нецелесообразным графическое отображение динамики его изменения (<http://worldjusticeproject.org/historical-data>).

Полностью аналогичная ситуация имеет место с политическим порядком “автономия ассоциаций”. В рамках исследования “Свобода в мире” в качестве одного из семи индикаторов используется индикатор “права на ассоциации и организации (*Associational and Organizational Rights*)”, который изменяется в диапазоне от 0 до 12 и может быть использован в качестве индекса автономии ассоциаций *Freedom House* (ИАА_{FH}). А в рамках исследования “Индекс верховенства закона” в качестве одного из 42 нормализованных индикаторов используется индикатор “свобода собраний и ассоциаций (*Freedom of Assembly and Association*)”, который может быть использован в качестве индекса автономии ассоциаций *The World Justice Project* (ИАА_{WJP}).

Динамика изменения значений индексов ИСВ_{FH} и ИАА_{FH} для России и Германии представлена на рисунке 6. Из него следует, что, по версии Дома Свободы, качество реализации политических порядков “свобода выражения” и “автономия ассоциаций” в России ниже среднего, и имеет место нисходящий тренд, свидетельствующий об ухудшении ситуации. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню свободы выражения, с ИСВ_{FH}=3 заняла 180 позицию из 193 в одной группе с Белоруссией, Китаем, Гамбией, Саудовской Аравией и Сомали. А в списке, ранжированном по уровню автономии ассоциаций, (ИАА_{FH}=3) – 163 позицию из 193 в одной группе с Анголой, Белоруссией, Брунеем, Камбоджей, Камеруном, Китаем, Демократической республикой Конго, Джибути, Оманом, Турцией, Венесуэлой и Йеменом. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню свободы выражения, по версии организации “Проект правосудия в мире”, с ИСВ_{WJP}=0,41 заняла 97 позицию из 113 между Вьетнамом и Камеруном, а в списке, ранжированном по уровню автономии ассоциаций, с ИАА_{WJP}= 0,42 – 98 позицию из 113 между Камбоджой и Вьетнамом.

Основным исследованием качества управления современными государствами служит исследование по программе “Качество государственного управления (*Governance Matters*)”, которое с 1996 г. проводит Всемирный банк (*The World Bank*). По его результатам определяются шесть агрегированных индексов для более чем 200 государств и территорий (*Worldwide Governance Indicators, WGI*) (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/#doc>), которые отражают различные параметры государственного управления:

- учет мнения населения и подотчетность (*Voice and Accountability*), который будем обозначать как индекс подотчетности ИП_{WB};
- политическая стабильность и отсутствие насилия (*Political Stability and Absence of Violence*) – индекс отсутствия насилия ИОН_{WB};
- эффективность государственного управления (*Government Effectiveness*), соответствующий индекс – ИЭГУ_{WB};
- качество законодательного регулирования (*Regulatory Quality*), выражаемое индексом ИКЗР_{WB};
- верховенство закона (*Rule of Law*), которому соответствует индекс ИВЗ_{WB};
- контроль (сдерживание) коррупции (*Control of Corruption*), обозначим его ИКК_{WB}.

Все указанные индексы изменяются в диапазоне от -2,5 (наихудшее состояние) до +2,5 (наилучшее состояние). Динамика изменения значений индекса ИП_{WB} из базы данных исследования “Качество государственного управления” для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 7 (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/#home>). Из

него следует, что значения индекса $ИП_{WB}$ для России находятся в зоне отрицательных значений и имеют устойчивый нисходящий тренд, что свидетельствует о неблагоприятной ситуации по версии Всемирного банка с фактором учета мнения и подотчетности государственной власти гражданам, которая постоянно ухудшается. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню подотчетности власти по версии Всемирного банка, с $ИП_{WB} = -1,21$ заняла 173 позицию из 204 между Катаром и Руандой.

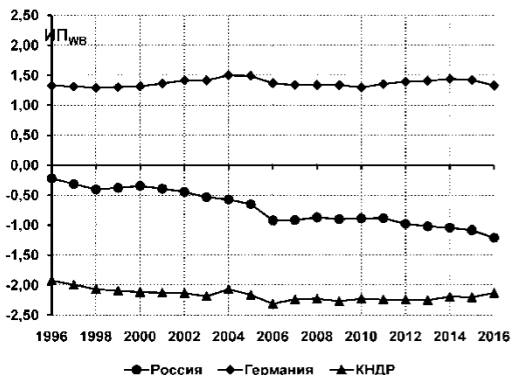

Рис. 7. Индекс учета мнения населения и подотчетности *The World Bank*.

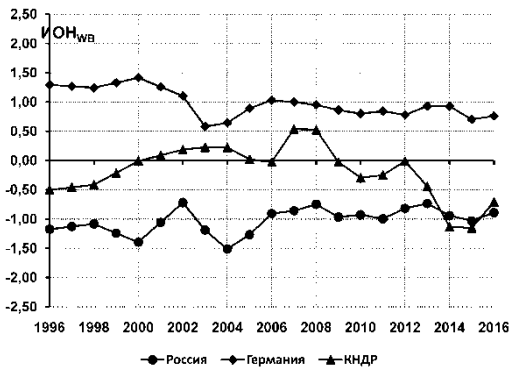

Рис. 8. Индекс политической стабильности и отсутствия насилия *The World Bank*.

Динамика изменения значений индекса $ИОН_{WB}$ из указанной выше базы для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 8. Видно, что значения индекса $ИОН_{WB}$ для России постоянно находятся в зоне отрицательных значений, причем на протяжении длительного времени они даже ниже, чем для КНДР. Это свидетельствует о неблагоприятной, по версии Всемирного банка, ситуации с политической стабильностью и применением насилия, включая политически мотивированное насилие и терроризм. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню политической стабильности и отсутствия насилия, по версии Всемирного банка, с показателем $-0,89$ заняла 176 позицию из 211 между Эритреей и Кот-д'Ивуаром.

Динамика изменения значений индекса $ИЭГУ_{WB}$ из вышеуказанной базы для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 9. Из него следует, что $ИЭГУ_{WB}$ для России также постоянно находятся в зоне отрицательных значений, хотя и приближаются к нулевому уровню. Это означает, что, по версии Всемирного банка, эффективность государственного управления остается ниже среднего уровня.

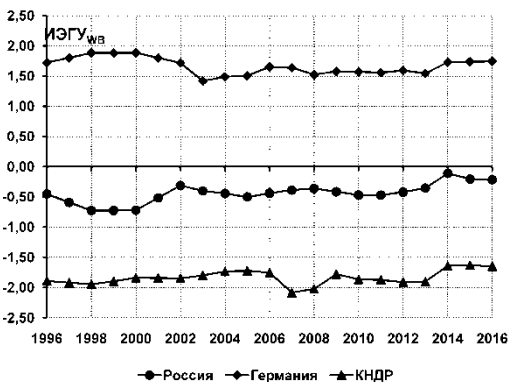

Рис. 9. Индекс эффективности государственного управления *The World Bank*.

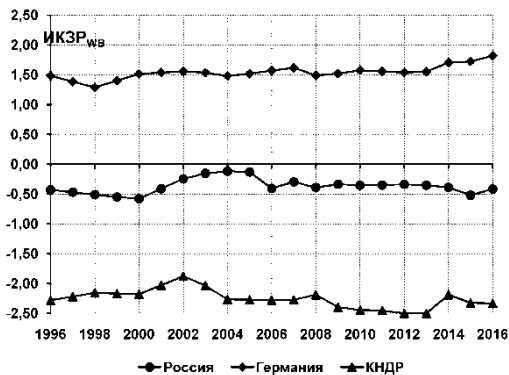

Рис. 10. Индекс качества законодательного регулирования *The World Bank*.

В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по эффективности российского государственного управления, с показателем -0,22 заняла 117 позицию из 209 между Шри Ланкой и Доминиканской Республикой.

Динамика изменения значений индекса ИКЗР_{WB} из вышеуказанной базы для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 10. Показано, что значения этого индекса для России вновь не выходят из зоны отрицательных значений, что подтверждает низкое качество законодательного регулирования. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по качеству законодательного регулирования, по версии Всемирного банка, имела ИКЗР_{WB} = -0,42 и заняла 132 позицию из 209 между Тонга и Гайаной.

Динамика изменения значений индекса ИВЗ_{WB} из указанной выше базы для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 11. Значения этого индекса для России находятся на уровне существенно отрицательных величин, что свидетельствует о неблагоприятной, по версии Всемирного банка, ситуации с соблюдением в стране верховенства закона – одного из ключевых принципов современного правового государства. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по степени верховенства закона, с ИВЗ_{WB} = -0,8 заняла 165 позицию из 209 между Сьерра Леоне и Науру. Верховенство закона призвана обеспечивать правоохранительная система или, точнее, в правовом государстве – система охраны права, основой которой служит судебная система. Поэтому неблагоприятная ситуация с соблюдением верховенства закона в постсоветской России гипотетически может быть обусловлена недостатками функционирования судебной системы и, в первую очередь, несоблюдением такого ее ключевого принципа, как независимость от других структур и органов публичной власти, от всех политических и экономических акторов, от конкретных граждан и их различных объединений.

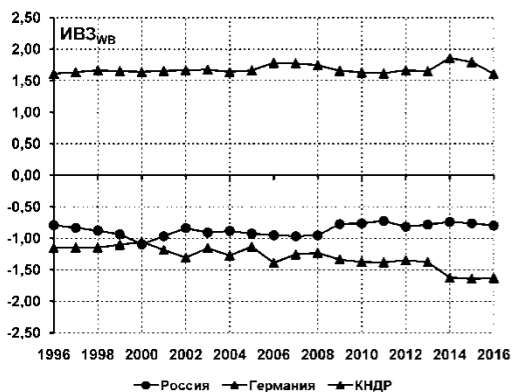

Рис. 11. Индекс верховенства закона
The World Bank.

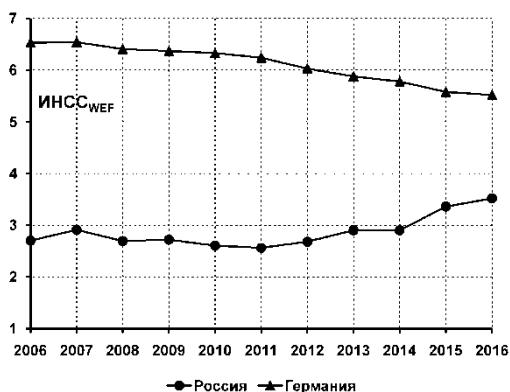

Рис. 12. Индекс независимости судебной системы
The World Economic Forum.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данное гипотетическое предположение, следует оценить ситуацию с независимостью российской судебной системы. Для этого можно использовать один из 112 исходных индикаторов – индикатор “независимость судебной системы (*Judicial Independence*)” (<http://www3.weforum.org/docs/GCR2016->), определяемый по результатам ежегодного проводимого с 1979 г. Всемирным экономическим форумом (*The World Economic Forum*) исследования “Индекс глобальной конкурентоспособности (*The Global Competitiveness Index, GCI*)”. Его можно обозначить как индекс независимости судебной системы (ИНСС_{WEF}): от 1 (полная зависимость) до 7 (полная независимость). КНДР в состав исследуемых государств не входит. Динамика изменения значений индекса ИНСС_{WEF} из открытой базы данных исследования “Индекс глобальной конкурентоспособности”, включающей данные за последние 10 лет, для России и Германии представлена на рисунке 12 (<http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/downloads/>). Из него следует, что значения индекса ИНСС_{WEF} для Рос-

сии находятся на существенно низком уровне, то есть российскую судебную систему нельзя признать в должной мере независимой. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по степени независимости судебной системы, по версии Всемирного экономического форума, с $ИНСС_{WEF}=3,52$ заняла 90 позицию из 137 между Гватемалой и Алжиром.

Динамика изменения последнего из шести агрегированных индексов качества государственного управления Всемирного банка – индекса контроля коррупции $ИКК_{WB}$ представлена на рисунке 13, из которого следует, что значения данного индекса для России находятся в зоне существенных отрицательных величин. Это свидетельствует о наличии в России, по версии Всемирного банка, очень высокого уровня коррупции. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню контроля коррупции, по версии Всемирного банка, с $ИКК_{WB}=-0,86$ заняла 170 позицию из 209 между Пакистаном и Мозамбиком.

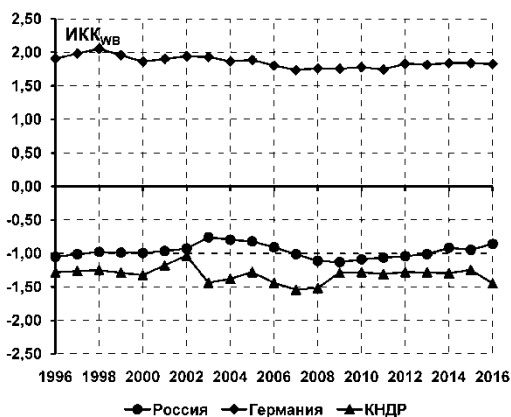

Рис. 13. Индекс контроля коррупции *The World Bank*.

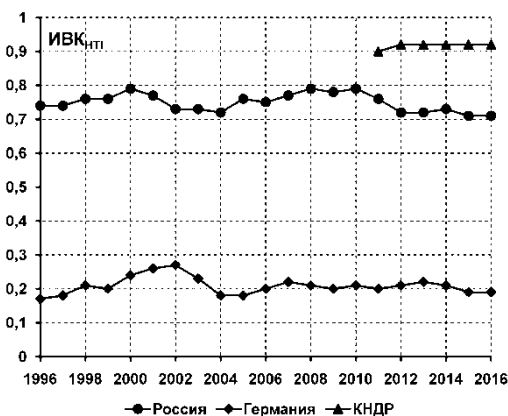

Рис. 14. Нормализованный индекс восприятия коррупции *Transparency International*.

Для подтверждения или опровержения этого прискорбного факта целесообразно дополнительно рассмотреть результаты самого известного исследования о состоянии коррупции в государствах мира – исследования “Индекс восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index, CPI*)”, которое с 1995 г. проводит международная неправительственная организация Трансперенси Интернешнл (*Transparency International*) (<https://www.transparency.org/research/cpi/overview>). По его результатам определяются значения одного из двух, наряду с индексом $ИКК_{WB}$, наиболее валидных и достоверных показателей состояния (распространения) коррупции, а именно, индекса восприятия коррупции [Нисневич, Стукал, Шухова 2016], который в нормализованном представлении будет обозначаться $ИВК_{TI}^H$ и изменяется в диапазоне от 0 (коррупция практически отсутствует) до 1 (максимальный уровень коррупции). Динамика изменения значений этого индекса из базы данных исследования “Индекс восприятия коррупции” для России, Германии и КНДР представлена на рисунке 14. Видно, что показатели индекса $ИВК_{TI}^H$ для России находятся в зоне очень высоких значений, и, следовательно, подтверждается тот факт, что по версии Трансперенси Интернешнл имеет место существенный уровень коррупции. В 2016 г. постсоветская Россия в списке, ранжированном по уровню коррупции, с $ИВК_{TI}^H=0,71$ заняла 131 позицию из 179 в одной группе с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной.

К политико-управленческим чертам портрета постсоветской России следует добавить и такую существенную черту, как длительная несменяемость высших должностных лиц публичной власти. Действительно, с марта 2000 г. по настоящее время высшую политическую должность публичной власти в постсоветской России – должность Президента

Российской Федерации занимает В. Путин. Лишь в период с марта 2008 по март 2012 г. в результате так называемой “рокировки”, целью которой было, избежав явного нарушения Конституции, сохранить действующую систему власти, эту должность в качестве “местоблюстителя” занимал его ближайший сподвижник Д. Медведев [Домбровская 2008]. Сам же Путин в это время занимал формально вторую, а *de facto* ставшую первой по политической значимости должность Председателя Правительства Российской Федерации. Поэтому можно говорить, что сегодня в России действует, по терминологии Т. Карозерса, политический режим доминирующей власти (*dominant-power politics*). При таком режиме “одна политическая группировка – будь то движение, партия, семья или отдельный лидер – доминируют в системе таким образом, что в обозримом будущем смена власти представляется маловероятной”, а «результатом длительного удержания власти одной политической группировкой обычно становятся крупномасштабная коррупция и “приятельский капитализм” (*crony capitalism*)» [Карозерс 2003].

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даль Р. (2000) О демократии. М.: Аспект Пресс.
- Домбровская И. (2008) Валерия Новодворская: Медведев решал три задачи. Первая: местоблюстителя // Radio France Internationale. 17 августа (http://www.rfi.fr/acturu/articles/104/article_1059.asp).
- Индекс трансформации Фонда Бертельсмана (2010) М.: Центр исследований постиндустриального общества.
- Индексы развития государств мира: справочник (2014) / О.Т. Гаспарян, Р.У. Камалова, Е.А. Кочешкова и др.; под ред. Ю.А. Нисневича, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Карозерс Т. (2003) Конец парадигмы транзита // Политическая наука. № 2. С. 42–65.
- Нисневич Ю.А. (2011) Метод сопоставительно-институционального анализа // Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 76–84.
- Нисневич Ю.А., Стукал Д.К., Шухова А.А. (2016) Методологические проблемы измерения коррупции // Общественные науки и современность. № 3. С. 149–162.
- Урнов М.Ю. (2014) Россия: виртуальные и реальные политические перспективы // Общественные науки и современность. № 4. С. 46–58. № 5. С. 114–129.
- Шумпетер Й. (1995) Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика.

Post-Soviet Russia – 25 Years: Portrait in the Mirror of Research of Interstate and Non-Governmental Organizations

Yu. NISNEVICH*

* Nisnevich Yuliy – Professor, Doctor of Political Science, professor of Department of Political Science, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitckaya str., Moscow 101000, Russia. E-mail: jnisnevich@hse.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the image of post-Soviet Russia in state research studies of 22 interstate and non-governmental organizations, based on the results of which 30 indicators of institutional characteristics of state are determined. Politico-administrative features of the image of Russia are determined by the fact that the ruling regime is undemocratic with a pronounced authoritarian tendency that does not ensure implementation at a proper level of basic political and state orders. There is low efficiency of state management affairs and a very high corruption level, which hampers free economic com-

petition and intensive innovative development. The pace of social development and quality of Russian citizens life are below the world average, and there are significant problems in the sphere of health care, education and other social spheres. From international perspective, post-Soviet Russia, having satisfactory economic competitiveness and sufficiently high involvement in globalization process, is rated as a very unpacific state with low institutional stability.

Keywords: post-Soviet Russia, state research studies, interstate and nongovernmental organizations, institutional characteristics.

REFERENCES

Carothers T. (2003) Konets paradigmy tranzita [The End of the transit paradigm]. *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 42–65.

Dahl R. (2000) *O demokratii* [On Democracy]. Moscow: Aspekt Press.

Dombrovskaya I. (2008) Valeriya Novodvorskaya: Medvedev reshil tri zadachi. Pervaya: mesto-blyustitelya [Valeria Novodvorskaya: Medvedev solved three problems. First: locum tenens]. *Radio France Internationale*. 17 August (http://www.rfi.fr/acturu/articles/104/article_1059.asp).

Indeks transformatsii Fonda Bertel'smana [The transformation index of the Bertelsmann Foundation] (2010) Moscow: Tsentri issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva.

Indeksy razvitiya gosudarstv mira: spravochnik [Indexes of development of the states of the world: reference book] (2014) / O.T. Gasparyan, R.U. Kamalova, E.A. Kocheshkova i dr.; pod red. Yu. A. Nisnevicha; Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". Moscow: Izdatel'skiy dom VSE.

Nisnevich Yu.A. (2011) Metod sopostavitel'no-institutsional'nogo analiza [Method of comparative-institutional analysis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 5, pp. 76–84.

Nisnevich Yu. A., Stukal D. K., Shukhova A. A. (2016) Metodologicheskie problemy izmereniya korruptsii [Methodological problems of measuring corruption]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 149–162.

Schumpeter J. (1995) *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Ekonomika.

Urnov M. (2014) Rossiya: virtual'nye i real'nye politicheskie perspektivy [Russia: Virtual and Real Political Perspectives]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 46–58; no. 5, pp. 114–129.

© Ю. Нисневич, 2019